

Американо-российские отношения при Буше и Путине

Респондент: Сергей Караганов

2001 – 2013 советник заместителя руководителя Администрации Президента РФ по внешней политике

Интервьюер:

Иван Грек
The Bridge Research Network

Дата интервью:

19 мая 2021 г.

Редакционное примечание и дисклеймер:

Эта транскрипция прошла проверку на точность в соответствии с правилами академического сообщества и высокими стандартами транскрипции. Центр Президентской Истории ставит своей целью отразить слова респондентов с максимальной точностью. Все видеозаписи интервью содержат неотредактированные ответы и представляют исходные версии слов, сказанных интервьюируемыми.

Для того, чтобы облегчить чтение транскрипций, из них были удалены элементы прямой речи, такие как фальстарты, незаконченные слова и слова-паразиты (например, «вы знаете»). Окончательные транскрипции будут соответствовать стандартным практикам изучения устной истории. Редакторы согласуют все транскрипции с окончательным Центром президентской истории.

Предложения правок и вопросы могут быть адресованы к редакторам по адресу cphinfo@smu.edu.

Цитата

Сергей Караганов, интервью Ивана Грека, 19 мая 2021 г. Проект коллективной памяти «Российско-американские отношения при Буше и Путине», Центр президентской истории, Южный методистский университет.

[Начинается Транскрипция]

ГРЕК: Когда Джордж Буш стал президентом в январе 2001 года какой работой вы занимались и как пришли на эту должность, расскажите о своем профессиональном пути?

КАРАГАНОВ: Я — ученый, до начала 90-х делал карьеру по большей части в науке, занимался в том числе военно-стратегическими проблемами, с начала 90-х, когда все рухнуло, я вынужден был заняться бизнесом, но продолжал заниматься наукой, поддерживал уже за свои деньги всякие институты, в том числе создал совет по внешней оборонной политике, что-то похожее на Council on Foreign Relations США, это организация по внешней оборонной политике, сыграла очень существенную роль в 90-е до начала 2000-х годов в формировании российской политики. Я руководил тогда этим учреждением, в котором была собрана значительная часть российской нынешней политической элиты... ну не только. Я был общественным деятелем, все еще занимался бизнесом, но еще не пришел в университет, в университет я пришел гораздо позже, так что я был советником очень многих российских и советских руководителей.

ГРЕК: Какие школы мысли о российско-американских отношениях существовали на момент прихода Буша к власти и какие диктовали повестку в течении следующих 8-ми лет? Какие внутренние конфликты существовали в кругах людей, принимающих решения в России?

КАРАГАНОВ: К концу 90-х годов в России наметился перелом в отношениях с

Соединенными Штатами Америки и в отношениях с Западом. Все началось с 95-го года, с начала расширения НАТО, вообще в принципе Россия хотела...

[00:02:00] российская элита хотела интегрироваться с Западом, с Европой в

первую очередь, ну, естественно, с США, и когда России было отказано, я

пришел в некоторое беспокойство, потому что предложение было столь

выгодным для Запада, что я подумал, что отказ означает, что Запад

собирается нас добить... оказалось, что это было головокружение от успехов

и идиотизм. Соответственно начали нарастать антиамериканские

настроения, настроения в пользу суверенизации нашей политики.

Переломным моментом был 99-ый год, бомбардировки НАТО в Югославии,

тогда практически вся элита или подавляющая ее часть отвернулась, поняла,

что с Западом не договориться, но инерция проамериканская, прозападная

существовала еще довольно долго. Но после 99-го года шансов почти что уже

не было. Когда пришел Путин, он продолжал маневрировать, пытался

маневрировать, надеялся или делал вид, что надеялся, что можно еще о чем-

то договориться. Может быть, он и надеялся, потому что он в принципе хотел

добрых отношений с Западом, но потом произошло вторжение в Афганистан,

Ирак, и главное — выход из договора по ПРО, после этого события, хотя еще

Россия продолжала маневрировать, но тогда, после этого события приняли

необратимый характер, Россия взяла курс на жесткое противодействие тому,

что она видела, как [неслышный] политика, которая угрожает суверенитету России [00:04:00].

ГРЕК: В июне 2001-го года президенты Буш и Путин впервые встретились в Словении. Некоторые СМИ интерпретировали это как решающий положительный момент, другие что личная химия между президентами не повлияет на политику. Как бы вы оценили эту встречу? Знаете ли вы о реакции администрации президента на эту встречу и поверили ли вы тогда то, что личные отношения могут что-то поменять?

КАРАГАНОВ: Я знал от моих друзей высокопоставленных, что президент Буш заглянет в глаза президенту Путину, и он увидит в нем очень много хорошего, и я сообщил об этом в Россию, поэтому президент Путин был готов... ну а мы были готовы к добрым отношениям. Насчет искренности и химии я сильно подозреваю, что это была такая наведенная химия... раз хотят дружить, давайте дружить.

ГРЕК: Как вы думаете вот информация заблаговременная о заглядывании в глаза, это был позитивный сигнал, который они послали заранее или это была случайная информация?

КАРАГАНОВ: Нет, я думаю, что это был позитивный сигнал, который они послали заранее.

ГРЕК: Менее чем через три месяца после первой встречи Путина и Буша, после Словении, произошло 11 сентября, какова была реакция россиян? 9.11 как-то изменило отношение России к США?

КАРАГАНОВ: Оно прервало нарастание негативного отношения к США: была волна сочувствия, разумеется, хотя уже и тогда вот это негативное настроение не было переломлено, и очень многие комментаторы говорили, что все это интриги, что это сами американцы организовали, но тем не менее руководство России, Путин [00:06:00] попытался, как я уже говорил почти на излете, попытался все-таки сманеврировать и вывести российско-американские отношения на несколько более позитивный трек. Это продолжалось до 2002-2003 года.

ГРЕК: Как Кремль оценил решение администрации Буша вторгнуться в Ирак? Существовал ли какой-либо сценарий, при котором Россия сотрудничала бы с США, а не противостояла вместе с Францией и Германией?

КАРАГАНОВ: Не существовало, более того, не существовало, правда, поскольку отношения были еще не испорчены, а только портились. Насколько я знаю российское руководство, ну и люди типа меня, уговаривало американское руководство не делать этого, так же как мы уговаривали американское руководство не вторгаться наземными силами в Афганистан. После того как это произошло... во-первых, все увидели, что это открытая агрессия; во-вторых, это было прочитано как попытка закрепить гегемонию США в мире

насильственными методами; ну и в-третьих, были сильно, были посеяны сомнения, которые потом перешли в уверенность, что американское руководство неадекватно, потому что такие ошибки делать нельзя.

ГРЕК: Если класть на весы Афганистан, расширение НАТО и противоракетную оборону, что было более тяжелым?

КАРАГАНОВ: Все это накладывалось друг на друга, ну Афганистан не был воспринят как враждебный шаг, поскольку это делалось просто, было воспринято как [00:08:00] феерическая глупость, потому что бомбардировка Талибана было одно, а вторжение войска, это было совершенно... в могилу империи, да еще через 20 лет после того, как там сгорел Советский Союз. Соответственно, я думаю, что как раз перелом произошел, когда Соединенные Штаты Америки вышли из договора по ПРО. Было это было воспринято всеми нами как открытая заявка на выход из ситуации стратегического паритета, начало гонки за стратегическим превосходством. И хотя насколько я знаю, Путин сказал: «Ну что же хотите - хотите, ну давайте», — поскольку у нас пока не было возможности жестко противостоять. А Буш сказал: «Да делайте, что хотите» — поскольку он был уверен, что Россия ничего сделать не сможет. Но именно тогда, я полагаю, и были, несмотря на относительную бедность России, были отданы указания создать новые поколения вооружений, которые теперь упреждающе обесценивают огромные вложения Соединенных Штатов в создание систем,

всяких систем противоракетной обороны, и далее вот это новое поколение, которое было объявлено в 18-ом году, которое сейчас разворачивается, делает все вложения, которые были сделаны в области ПРО бессмысленными... ну а будущие запретительно дорогими, если американцы пойдут на это, то это «make my day» — это абсолютно разорительная бессмысленная гонка [00:10:00].

ГРЕК: Следующим важным этапом в отношениях было начало эпохи цветных революций: цветная революция в Грузии, Украине, Кыргызстане. Что вы думаете о них, о природе цветных революций? Как отреагировало профессиональное сообщество?

КАРАГАНОВ: Профессиональное сообщество совершенно понятно там. Понятно, что в этих странах были внутренние... страны были падающие, но они и продолжают быть падающими. Украина катится с 91-го года непрерывно вниз, Киргизия там с волнами, Грузия волнами, но это все несостоявшиеся государства, видимо, в будущем. А тогда это было воспринято как прямое вмешательство Запада, что эти революции якобы были сделаны по указке Запада. В экспертном сообществе конечно же знали, что во-первых, об объективных корнях этих революций, во-вторых, что Россия до этих лет практически не занималась сколько-нибудь серьезной политикой в отношении этих стран, мы просто их отпустили, упустили, и поэтому это была российская ошибка. Ее тогда мало кто хотел признавать, поэтому,

естественно, ну и к тому же знали, что действительно вмешательство было, поэтому было очень удобно переложить всю вину на Соединенные Штаты Америки.

ГРЕК: В мае 2005-го года во время поездки по случаю Дня Победы в Москве, Буш встретился с представителями российских НКО. Как восприняли эту встречу по-вашему большинство россиян? Был ли такой жест конструктивным для американо-российских отношений на фоне революций? И с вашей точки зрения должна ли была администрация Буша [00:12:00] дальше двигаться в продвижении ценностей а-ля свободы слова и так далее, и повлияло ли это реально на внутреннюю ситуацию в России?

КАРАГАНОВ: Ну естественно все, к сожалению, все подобного рода действия американцев только ухудшают ситуацию с правами человека, демократией, поскольку реакция бывает абсолютно однозначной: ужесточение. Я в те годы и до того активно участвовал в правозащитном движении, а вообще с 80-х годов участвовал, был членом сахаровского комитета даже в 80-е годы. Так вот, я помню на заседаниях этого огромного сообщества, на котором люди выступали и говорили: «Мы будем защищать права человека против Америки», — потому что они считали, эти люди реально считали, что подобными жестами американцы усугубляют только ситуацию, так оно и было. Но серьезного воздействия на российско-американские отношения этот шаг не возымел, просто потому что это делали американцы и до того. Но

после этого, кстати говоря, по-моему, наш президент начал встречаться, или наши министры начали встречаться с западными диссидентами, что в общем выглядело конечно немножко комично, но сейчас это делаем гораздо более эффективно.

ГРЕК: По-вашему заметил ли Кремль сигнал, как по крайней мере утверждают американские коллеги, о том, что Буш был готов пойти на переговоры, когда он перестал критиковать внутреннюю политику России в отношении НКО? Был ли такой сигнал, заметили ли вы его?

КАРАГАНОВ: Нет. Ну, значит, естественно, мы профессионалы его заметили, но серьезного влияния [00:14:00] он уже не оказывал. Америка была списана как потенциальный партнер, фактически списана.

ГРЕК: Президент Путин произнес известную речь на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007-го года, в которой подверг критике Штаты, как дестабилизирующую державу. Американцы были удивлены таким поворотом риторики, администрация Буша признала несогласие Кремля по выходу из договора по ПРО, вторжением в Ирак, расширением НАТО, но американские официальные лица по-прежнему считают, что Путин не понимает причину этих шагов США и считают, что разногласия либо косвенно могли быть решены либо были решены даже по факту или могли стать предметом переговоров. Как вы отреагировали на это выступление и что по-вашему мнению пытался сделать в тот момент Путин? Согласны ли вы с

утверждением, что разногласия не были настолько весомые и что Путин overreacted?

КАРАГАНОВ: Нет, Путин, с моей точки зрения, Путин он делал, то, что должен был делать. Он сказал: «Раз вы возвращаетесь к холодной войне, мы готовы сражаться» — это первое. Второе, что он сказал, это было абсолютно очевидно для меня... он сказал, что: «Ребята, давайте жить дружно. Если вы хотите, то мы готовы сражаться, если вы хотите холодной войны, но мы готовы на конструктивные взаимодействия, если вы измените кардинально свою политику, которую мы расцениваем как имперскую, гегемонистскую, как вмешательство во внутренние дела и так далее». И как агрессивную, потому что к тому времени были совершены уже две формальные агрессии, в скором времени была еще одна совершена формальная агрессия в Ливии. Но Путина не услышали, во-первых потому что [00:16:00] были увлечены вот той победой, которая уже к тому времени превращалась в поражение... это было совершенно очевидно, потому что уже к середине 2000-х годов Америка начала проигрывать по всем фронтам, но менталитет оставался победный — и на Западе.

Ну и соответственно, в следующем году уже формально, я считаю, началась 3 холодная война, когда Буш... попытался насколько известно за спиной союзников, договорившись с Украиной и Грузией поставить вопрос на голосование открытого НАТО, чтобы прямо принять эти две страны в

НАТО. Это должно было произойти на Бухарестской встрече. Об этом было сообщено нашим немецким и французским соседям, которые пришли просто в бешенство. Они заблокировали это действие, но тем не менее американцы добились того, что вопрос о необходимости расширения НАТО на эти две страны, он остался на повестке дня, ну а после этого началось обвальное ухудшение отношений. Ну, к тому же вот потом была, как известно, грузинская операция, нападение на анклав полунезависимые грузинские, убийства российских миротворцев, и тогда уже Россия начала по-настоящему бить кулаком. Одной из целей жесткой операции в Грузии было, конечно, показать, что расширение НАТО на эти страны невозможно [00:18:00].

ГРЕК: Как вы считаете, переход в эпоху Медведева-Обамы что-то изменил?

КАРАГАНОВ: Очень мало изменил, но Медведев, его ближайшее окружение хотело хоть как-то договориться, а американцы находились в очень смешном интеллектуальном состоянии. Даже высшие руководители Америки в то время еще разговаривали... ну высшие руководители, дипломатия, они считали, что это в принципе, что Медведев это... вот Медведевские улыбки, что это всерьез. Объяснить им, что это уже не всерьез было уже совершенно невозможно. Американские коллеги, я с ними разговаривал, именно официальные, они вызывали у меня изумление. Они не хотели верить в то, что они упустили навсегда Россию и что Россия становится их жестким противником, а потом обрушит их позиции окончательно.

ГРЕК: Как вы сказали, что американцы считают, что Кремль играет в игру с нулевой суммой. Также сказали, что Путин следовал иной логике и не играл в игру с нулевой суммой. Как вы думаете почему Америка придерживалась этой идеи игры с нулевой суммой? Как это повлияло на отношения США и России?

КАРАГАНОВ: Это, ну во-первых игра с нулевой суммой — это американская концепция, которую мы полностью отвергаем, поскольку мы отвергаем все американские концепции, хотя у нас и часто ими пользуются. Ну так случилось, что в какой-то момент американские концепции приобрели всеобщий характер, стали, вот — игра с нулевой суммой — это нормальная дипломатия, или нормальные международные отношения, но они совершенно... не играла в игру с нулевой суммой, она играла на плюс и только за свои собственные интересы, мы не играли против Америки. Мы играли только за восстановление [00:20:00] своего суверенитета, своего влияния, и это отчетливо знаю. Я знаю, что во всех дискуссиях того времени не было вопроса как насолить Америке, был вопрос как защитить и укрепить Россию. Это могло бы называться и игрой с нулевой суммой, если считать, что Америка хотела по-прежнему сделать Россию своим сателлитом, поставить ее в зависимость, но повторяю это Америка хотела, а здесь была совершенно другая ситуация.

ГРЕК: А внутри российской администрации считали ли, что Америка играет в игру с нулевой суммой?

КАРАГАНОВ: Ну это просто опять же, просто использовали этот термин, который абсолютно, повторяю, абсолютно бессмысленный, потому что игра с нулевой суммой — это, что называется, жесткая дипломатия: ты мне, я себе. Она не правильна, и вообще она не бывает, как правило, таковой, если речь не идет о прямой войне, потому что там игра с нулевой суммой, там кто выиграл, тот прав. А в международных отношениях, так же как и в отношениях между людьми, игры с нулевой суммой не бывает. Бывает чаще всего игра на минус-минус. Вот противостояние — это игра на минус-минус. Вот сейчас, кто больше проиграет? Вот сейчас мы видим, что да, Америка развязала войну против Китая и России, конечно она не выгодна России, ну а мы значит.... Но игра идет минус-минус. По-моему, пока проигрывает больше США, раза в два-три, но это не значит, что мы выигрываем. Это абсолютно не это. И вот вся политика, как мне кажется, американцев была вот с той поры, как они начали накачивать конфронтацию, это была игра минус-минус. Америка ее не выиграла. Америка ее проиграла, но не выиграла и мы.

ГРЕК: Если резюмировать эпоху [00:22:00] отношений Путина и Буша, многие все время целятся на их личные отношения: они часто встречались, большое количество раз Буш приезжал в Россию, Путин ездил к нему в гости на ранчо. Могли ли личные отношения что-то поменять потенциально?

КАРАГАНОВ: Они могли повлиять. Поменять они, конечно, уже не могли, особенно после Ирака и выхода из ПРО, но они могли, тем не менее привести к каким-

то договоренностям. Но они не привели в силу целого ряда обстоятельств. Недоверие нарастало и добрые отношения двух президентов ни к чему не приводили, тем более, что я сильно подозреваю, что Владимир Владимирович не очень высоко ценил интеллектуальные способности своего, и не очень ему доверял, своего собеседника, хотя он и по-человечески очень ему нравился. Не думаю, что он думал, что с ним можно в конечном итоге говорить, тем более мы видели, что творится в Соединенных Штатах, уже начало твориться в Соединенных Штатах Америки: начала размываться база любого президента внешнеполитическая и внутривнутриполитическая, пошли расколы, и мы увидели, что в общем договориться скорее всего не удастся, но это не значит, что уже тогда не пытались договориться. Что-то еще пытались, но надежды было мало.

ГРЕК: Я уточню один вопрос небольшой: один из экспертов предположил, что Путин хотел быть похож на Буша, в чем-то его моделировать.

КАРАГАНОВ: Вы смеетесь что ли?

ГРЕК: Я хотел уточнить.

КАРАГАНОВ: Да-да. Нет, Путин — очень сдержанный человек и очень умный и, конечно, никогда ничего не говорил, но я [00:24:00] достаточно хорошо представляю себе знаю их беседы. Он не мог хотеть быть похожим на Буша, хотя, конечно же, он хотел быть руководителем самой сильной державы, может быть еще и станет.

ГРЕК: Как бы вы определили фундаментальные принципы и интересы, которые не позволили достичь договоренностей, прийти к какому-то позитивному взаимодействию даже несмотря на то, что потенциально личные отношения двух президентов могли что-то изменить?

КАРАГАНОВ: Ну во-первых, мы очень разные страны, мы разные в духовном отношении, хотя все время говорили, что Россия, русские и американцы похожи. Вообще Америка — это уникальная страна с такой же уникальной культурой, как Китай: они и вы — не европейцы, потому что американцы же жили в совершенно определенной идеологии на гигантском очень богатом острове, окруженном океаном, поэтому совершенно... договориться просто очень трудно, еще с европейцами мы можем договориться, а с американцам.... Ну а во-вторых, американцы действительно тогда, особенно после победы, как им казалось, в холодной войне, верили в свою исключительность, еще больше чем обычно. А Россия абсолютно генетически суверенная страна и она никому и никогда не подчинялась в своей истории, кроме одного маленького, но важного эпизода, когда мы 250 лет были доминионом Золотой Орды... Монгольской империи. После этого, это была такая прививка, которая действует до сих пор, мы никогда никому не подчиняемся. Американцы же хотели управлять всем миром. Это абсолютно несовместимые вещи. Вот, при том, что я даже не виню американцев, потому что это все равно, что винить белых за то, что они белые, а черных, за то, что

они черные. [00:26:00] Американцы такие, но они будут меняться. Не значит, что они будут чернеть или белеть, но я надеюсь, что теперь, вот сейчас мы их твердо держим... Россия и Китай объединившись, конечно же, превосходят Соединенные Штаты по совокупности мощи. Ну я надеюсь, что через 10-15-20 лет Америка не потеряет своей уникальности, но привыкнет к тому, что она только одна из равных. Между прочим, время такого гегемонистского головокружения Америки было очень коротким — это всего лишь 1945-2007 год. Исторически это очень короткий период

ГРЕК: Спасибо большое.

[КОНЕЦ АУДИО/ВИДЕОФАЙЛА]